

Нищий символ

Культура. — 1998. — март (№ 3). — С. 1

Юрий БЕЛЯВСКИЙ

Директор фирмы по пошиву рабочей одежды из Балашихи, решивший в конце марта 1998 года одеть "Рабочего и колхозницу", не придумал ничего нового. Первый раз такое указание автор монумента В. Мухина получила в 1937 году от членов комиссии, принимавшей скульптуру. В состав комиссии входили Молотов, Ворошилов и Межлаук (Сталин, говорят, приезжал смотреть скульптуру ночью). Комиссия велела "надеть на скульптуру штаны" (первоначально Рабочий и Колхозница были обнаженными). Впрочем, имелись замечания для 1937 года и пострашнее: некто усмотрел в профиле Рабочего сходство с Л. Троцким. Время было серьезное, скульптуру готовили на экспорт — для Международной выставки в Париже, шутить никто не собирался.

По мнению искусствоведов, мухинские "Рабочий и колхозница" для отечественного изобразительного искусства — то же самое, что "Броненосец "Потемкин" для кинематографа или поэзия Маяковского для литературы. То, что великое произведение искусства оказалось ржавеющим на столичных задворках, в равной степени и позорно, и символично. В 1938 году, когда готовили помпезное открытие Сельхозвыставки, туда лихорадочно свозили все, что могло остановить взгляд Хозяина. Символических "свинарку и пастуха" должны были встречать не менее символические "рабочий и колхозница". Быстренько сварганили 10-метровый пьедестал вместо предполагавшегося 33-метрового, выставку благополучно открыли (за это даже никого не расстреляли — значит, Хозяину понравилось), потом главный вход на ВДНХ перенесли на другое место, а про скульптуру по ненадобности забыли. Впрочем, став эмблемой "Мосфильма", скульптура заняла свое место в сознании многих поколений соотечественников. Вот, кстати, и еще один символ: и киностудия, и ее эмблема разваливаются одновременно, и "Мосфильм", и скульптура связывают надежды на спасение с московским мэром.

По поводу скульптуры тревогу начали бить еще в те времена, когда студия процветала.

Во-первых, было совершенно ясно, что стоит скульптура абсолютно не там, где надо, а во-вторых, что долго она не простоят.

Сама Вера Игнатьевна Мухина мечтала, чтобы скульптура стояла на бровке Ленинских гор. "Сейчас, — говорила она, — статуя ползет по земле, все точки зрения и композиционные эффекты уничтожены". Увы, не дожидаясь, летом будущего года исполняется 110 лет со дня ее рождения. Знаменитый архитектор Б. Иофан (автор проектов павильона на Международной выставке в Париже и несостоявшегося Дворца советов) много лет занимался разработкой проекта пилона — постамента. После его смерти материалы, судя по всему, либо остались в семейном архиве, либо были переданы в 10-ю архитектурную мастерскую.

О переносе памятника говорилось в художественных кругах много. Писались письма Брежневу, Демичеву. Ответов чаще всего не было. К концу 80-х годов все-таки допекли начальство. В 1987 году Моссовет объявил открытый конкурс на определение нового места для "Рабочего и колхозницы". Выявлено было около 40 возможных мест установки. Большинство склонялось к Ленгорам или Стрелке Москвы-реки. (Сейчас Стрелка занята новым символом — Петром). Однако тот конкурс, как, впрочем, и большинство перестроечных начинаний, кончился ничем. Теперь, через десять лет, слава Богу, начался новый виток. Боюсь только, что пятачок на Смоленской площади, куда сейчас решили перевезти статую, выбор не из лучших. Хотелось бы без спешки, но зато именно туда, куда надо. Если уж делать, то всерьез. Осталось множество весьма обоснованных суждений самой В. Мухиной по поводу места установки главного произведения ее жизни, и не грех бы прислушаться. В конце концов для христиан кое-что должна стоять и ее последняя воля.

По поводу состояния статуи разговоры пошли с конца пятидесятых. Было очевидно, что она безнадежно ржавеет и разрушается. В 1979–1980 годах, под Олимпиаду, статую подлатали, но не более того. По мнению специалистов, единственное спасение шедевра отечественного искусства в том, чтобы восстановить его из новых материалов. Скажем, в начале 60-х годов композиция "Космос", установленная возле той же ВДНХ, была сделана из титановых листов с цинковым покрытием. Стоит себе тридцать пять лет, и хоть бы что.

В наши дни возрождать шедевр нужно, конечно, на уровне современных технологий. Существует наверняка достаточный выбор новейших композитных материалов, способных обеспечить выполнение художественной задачи. Чем не занятие для столичного ВПК, за возрождение которого взялся московский мэр?

Можно, конечно, обмотать статую тряпками, устроить у ее подножия концерт и этим хепенингом ограничиться. Это было бы очень в духе нашего легкомысленного времени. Но очень хотелось бы верить, что на этот раз будет по-другому.

P.S. И вот еще что. За последние 10 лет наша газета писала о тяжелейшем состоянии "Рабочего и колхозницы" 15 раз. Пишу в шестнадцатый. Но очень боюсь, что еще не вечер.

К